

С содроганием, пронизывающим ее до глубины души, Корделия обвела пытливым взглядом заброшенное здание, ожидая увидеть разрушительное зрелище огромной змеи, которая обвивала всю землю, но нашла лишь полумертвую ночь.

Единственная змея сидела у нее на запястье, и она снова настойчиво терзала ее: «Не будем медлить, госпожа. Когда Змеиный Лорд и Темный Мастер ждут, не стоит их злить».

Она напряглась. «Темный Властелин? Это тот, кто дарует силы и является хозяином твоего злого господина?»

«Даже если так. Возьму тебе воды».

Она боялась этого и все равно встала. Если эти могущественные дьяволы ждали, то у нее не было выбора, кроме как прийти к ним. Даже ее свободная воля в данный момент была дана как маленькая милость, которую она не была уверена, что ее нельзя будет отменить в любой момент.

Поэтому она стащила из рюкзаков бурдюк и ушла от благотворного огня в темноту. Змея указала ей дорогу в заднюю часть дома, где все еще оставалась стоящая лестница, ведущая на второй этаж правого крыла. Нахмурившись, она усомнилась, что Мирового Змея можно найти на вершине такого хлипкого здания. И все же, ворча, она поднялась по лестнице.

Грозовые тучи, собравшиеся с момента прибытия Корделии в этот мир, в основном рассеялись, когда она спала. И теперь серебристый свет полной луны мягко освещал второй этаж. Там была комната, в основном нетронутая, хотя ее крыша была удалена стихиями, позволяя лунному свету отражаться от разбросанных кирпичей и сломанных балок, давно отошедших от своих функций. Не было и никакой мебели. Но в углу, спрятанном за гнилой дверью, ведущей в комнату, она нашла высокое серебряное зеркало. Когда-то им, должно быть, пользовалась какая-то леди или джентльмен, чтобы измерить свою красоту и моду, но теперь оно стояло разбитым, годы пыли покрывали его непрошенные отражения мира.

Используя бурдюк, Корделия смыла грязь и пятна с испорченной поверхности, затем отступила. Впервые со времен темного царства Мирового Змея она увидела свой собственный облик.

Мало было нужды указывать на фейри в ее проклятой красоте, на этот потусторонний свет, который ищут только поэты, презирующие традиционную красоту ради таких созданий снов и видений. Это было также очень божественным делом, поскольку она была создана, чтобы соблазнять людей. И все же в ее глазах амарантовый оттенок был чем-то иным, как смертным, дразнящим, как голос сирены из диких водоворотов темных радужных оболочек, сверкающим возвышенностью - ради которой суровые моряки и пилоты души отказались бы от своих обязанностей и позволили своему судну катастрофически отклониться в закрученные потоки, откуда никогда не выходил ни один выживший. Даже мирской лунный свет, когда он падал на угольно-черные локоны, приобретал эфирный аспект, как будто из каких-то эльфийских снов, где танцевали сияющие боги и богини, прекрасная дочь была послана таким образом для

смертных глаз для поклонения в смертных снах.

Но если в этих чертах и мог быть изъян, то интуитивно ощущалось отсутствие взаимности, ни утешительной груди ответной привязанности. Существование, противоположное чистой и радостной любви, соблазнительное для риска и опасности для себя — риска и безрассудного погружения, даже зная, что когда уголок этих прекрасных губ кривится, они предвещают дурной умысел.

И для Корделии, которая никогда не могла увидеть никакой красоты, достойной восхищения, в своем собственном облике, она увидела в своем отражении таящееся зло и ничего больше. Настолько отвратительно, что ей пришлось отвернуться от образа, пронизанного злобой, едва способной вынести отвращение к себе, вспоминавшееся в ее груди, как гноящаяся рана, и в тот момент она возненавидела его так сильно, что поклялась не смотреть в зеркала и сбежала .

Она не смогла: что-то крепко схватило ее за запястье.

С испуганным криком ужаса она поняла: тот браслет, который обнимал ее правое запястье и где таилась ее знакомая Мастема, не был обнаружен в ее отражениях. И именно эта рука, ее правая, схватила ее. Она потянула ее вперед с непреодолимой силой. И на злобном лице мелькнула усмешка.

Она прошла прямо сквозь зеркало.

На этот мимолетный момент она была ослеплена всем. Миром, который она оставила позади, ужасом, в который она вошла. Лицо, которое она считала отражением, было близко к ней, охватывая все неизменной улыбкой злобы. И когда оно отпустило ее, она отшатнулась назад и обнаружила, что мир темен. Многочисленные порталы обеспечивали жуткое освещение по обе стороны коридора, как будто она стояла в длинной неосвещенной колоннаде, окруженной с обеих сторон садами в холодных оттенках сумерек. Однако за этими порталами не было ничего, что можно было бы увидеть, кроме мерцающего и бесформенного свечения. Даже позади нее один такой сияющий портал стоял холодно.

Ее отражение стояло перед ней, широко и с любопытством улыбаясь, и в отличие от нее от него веяло властью и насмешливым самомнением.

Мастема наклонил свою маленькую головку. «Приветствую, мой господин».

«Ты — Ёрмунганд!» — сказала она, переводя дыхание.

«Не будь таким веселым, слуга, мы всего лишь на время и на день разлучены. Ну что ж, я приветствую тебя на острове Авалон». Мировой Змей расплылся в улыбке, которая стала почти слишком широкой. «Но что это за жалкое одеяние! Как я могу так предстать перед своим народом?» Одним движением пальца рваная юбка и лиф ее отражения превратились в великолепное платье глубокого сине-черного цвета, сверкающее тысячей крошечных звезд по

всей длине. Но платье становилось таким темным к подолу, что, казалось, сливалось с черным как смоль полом под ним. «Вот это уже лучше. Мне скорее нравится этот вид». Еще одним движением ее волосы были собраны в высокий и величественный пучок, в отличие от распущенных локонов Корделии. Глаза удовлетворенно сверкали, Змей повернулся и зашагал по коридору.

«Ты чуть не убил меня!» Корделия бросилась вслед за повелителем фей, протестуя. «Я и Дева!»

«Следи за своим языком, слуга. Это самонадеянно с твоей стороны обвинять меня, хозяйина этих отвратительных созданий!»

«Тогда чей?» — настаивала она, удивляясь, как отражение могло делать такие большие шаги, будучи всего лишь такого же роста, как она сама. «Разве ты не повелитель фей?»

«Но один из многих. Девочка, ты слишком много берешь на себя для той, кто так невежественна в наших обычаях. Но функция ночи — исправить этот твой недостаток, так что кто я такой, чтобы жаловаться?»

«Как так? Подожди! Куда ты идешь? Что это за место? Мне все это надоело! Говори, что хочешь сказать, и отпусти меня!»

«Ты что, спятила? Пока нет».

Они дошли до конца коридора, где высокая дверь смутно сливалась с темными стенами, если стены действительно были темными пятнами между порталами. Ее сложные рельефы она едва могла различить, но для смертных глаз они не были разумными образами.

«Игра готовится», — Змей улыбнулся жестокими губами Корделии. «Твой ограниченный ум не сможет постичь лучшую ее часть, если вложить ее в твой грубый язык». Она положила руку на дверь. «Так что сохраняй спокойствие и смотри, как разворачивается игра».

Змей толкнул, и благодаря сверхъестественной силе, таившейся в этих изящных руках, тяжелые двери распахнулись, словно их атаковал таран.

'Это был не столько зал, сколько зеленый сад, этот зал, выстланный и окруженный со всех сторон стенами, покрытыми плющом, пышно украшенный древними и огромными стволами вместо колонн. И мириады этих покрытых корой колонн, разбросанных по всему месту, но не поддерживали никакого потолка, а широкое звездное небо. Не было никаких свечей, кроме звезд и луны, которые сияли намного ярче, чем на земле. И все было залито этим беспричинным светом, жутким, как в плане Мирового Змея, возникшим, как будто из светящихся присутствий неземных существ, собравшихся там.

Сотни лиц повернулись к двери. Демоны — Корделия увидела — крылатые, покрытые мехом и чешуей, смешивающиеся с существами, немного похожими на людей или совсем не похожими. И это были не те темные, бесформенные и нецивилизованные существа, с которыми она яростно боролась несколько часов назад, а в смокингах, платьях и вежливых мантиях были те, кто был более знаком людям. В то время как те, что имели более дику внешность: с орлиными головами, крыльями летучей мыши, с кожей из линяющей лавы,... все еще сохраняли довольно сдержанное поведение, одновременно вежливое и отстраненное. Создавалось впечатление пиршества: веселье было видно по странной субстанции, наполняющей изящные бокалы, хотя еды не было.

Но что вызвало наибольшее опасение, помимо этой компании звериных явлений, было отсутствие одной вещи, которую можно было ожидать в такой обстановке: звуков. Зал был таким же тихим, как беззвучный сон, когда Ёрмунганд во всей своей беспечной красоте вошла. Корделия следовала за ней по пятам, съевшись, как испуганный ребенок.

Но как только какая-то невидимая рука захлопнула за ними дверь, раздался шум внезапной паники. Разговоры на гортанных, высоких или экзотических человеческих языках возобновились или начались заново относительно грубого входа. И Корделия ощутила открытую злобу в воздухе, шепот и болтовню, направленную неодобрительно на вновь прибывших. Их ждали, но определенно не любили.

Владыка Змей не обратил на все это особого внимания. Она двинулась дальше точным шагом, и гости расступились, испугавшись или благоговей перед ее царственными манерами. И она поднялась на то, что казалось большой сценой, сделанной из странного материала мрачного черного цвета, где в настоящее время стояли мужчина и женщина, или существа, которые имели сходство с человеком.

На краю этой сцены Корделия остановилась, не смея последовать за Змеем в центр внимания события, которое не предвещало ничего хорошего.

«Весело!» — объявила она теперь другим на сцене. «Как дела? Весело, говорю я! Это ночь веселья, если я не ошибаюсь! Почему вы так хмуритесь? Какой Господь умер? Я бы не подумала, что наш, ибо мудрый в своей мудрости, он не погибнет, пока его гостеприимство не иссякнет».

«Ёрмунганд, ты, коварная сука!» — заорал человек на сцене. Его лицо было подходящим для гнева, обрамленное большой седой гривой и выдающимся лбом, постоянно изборожденным грубыми чертами. Это противоречило его одежде, простой тунике без рукавов, оставляющей мускулистые руки открытыми.

«Вали!» — повторила Змея столь же ошеломляющим голосом, театрально вскинув обе руки в воздух.

«Только что мы обсуждали твою гибель, Змей», — сказала женщина. Ее гнев был лучше сдержан, чем у ее спутницы, заметный только в явном неодобрении на ее юных чертах. Ее

внешность несколько напоминала ее соперницу — волосы собраны в пучок, гибкое тело туго затянуто в платье цвета бронзового солнечного света, плащ из соколиных перьев. Но больше всего эта женщина выделялась как бессмертная — огненный торк на шее. «Я показала нашим братьям, как на этот раз вы слишком долго испытывали наше терпение».

«Не имея ни малейшего желания хвастаться, Фрейя, я все же должна сказать, что я еще далека от своих пределов», — сказала Змея, весело улыбаясь. Но это было пределом ее внимания к двум, казалось бы, важным фигурам. Ибо она резко отвернулась от них и пошла обратно к краю сцены. «Но вы должны меня простить», — не глядя на них больше, сказала она, — «я буду развлекать вас, пока хватит моего терпения. Только разрешите мне побыть с гостями — невежливо оставлять их неприветствуемыми, не произнося моего имени. Корделия, дитя мое, иди сюда!»

Корделия глубоко вздохнула и выругалась, менее чем когда-либо склонная ввязываться в потустороннюю драму. Она поднялась на сцену и сделала несколько шагов позади Змею, стараясь не встречаться глазами с демонами по пути.

«Как теперь», усмехнулся Ёрмунганд, «поднимите глаза, чтобы весь класс мог видеть, будьте горды! Сейчас же!» — она повысила голос, отозвавшись эхом по залу и заглушив все оставшиеся разговоры. «Приветствую вас, старые феи и слуги Тёмного Властелина, собравшиеся со всех земель! Я не видела ваших лиц целый год, но давайте заведём новые знакомства, чтобы вы не забыли, кто вскоре нанесёт вам удар в спину и принесёт вам горе! Приветствую вас, эйнхерии и соратники, недавно избранные из дальних планов. Я Ёрмунганд, или Мировой Змей на вашем грубом языке. Запомните моё имя, ибо вы ещё много о нём услышите. И ещё одно, верный слуга Тёмного Властелина, которым я являюсь, я представила своего слугу здесь, чтобы содействовать его делу. Меня зовут Корделия. Давайте поладим с ней!»

Сделав это, она резко развернулась, но тут же встретила взгляд Фрейи на расстоянии вытянутой руки. Глаза разгневанной феи пылали: «Ты не сделаешь из этого события фарс, Змей! У нас есть основания подозревать эту преданность, о которой ты говоришь!»

«Ну что ты, сестра? Думаешь, я лгу и обманываю? Я? Какой скандал!» Змей рассмеялся над собственной пустой шуткой.

«Ну, тогда я расскажу вам вот что, чтобы все присутствующие знали, как вечно вероломная собака наконец-то обернулась против своего рода. Что уже некоторое время вы ревностно охраняете личность Девы Божьей. Этим самым актом вы защищаете ту, которая является врагом всего нашего рода, так наделенную Добрым Богом, чтобы однажды исполнить его замысел. Сколько поколений мы отчаянно препятствовали рождению таких созданий? Сколько схем было использовано, чтобы раздавить таких святых детей с младенчества? Но этот давно избежал нашей сети, скрываясь даже под нашими бдительными глазами, за исключением ваших. Теперь я признаю, что слишком часто многие из наших быстро видят свои выгоды прежде, чем благо Племен. И даже вашу мелкую уловку, чтобы завоевать расположение хозяина, мы все еще можем пропустить, если бы вы не пошли на непростительные для этого меры! Так что слушайте, братья мои! Эта лживая плутовка не только охраняла угрозу нашему существованию в тайне, но и когда армия была послана, чтобы выполнить дело, которое она не

хотела, она приказала своему слуге помочь в их уничтожении. В эту самую ночь многие из наших братьев погибли, пока Дева была жива! И таково доказательство ее преданности! Ты даже сейчас заявляешь, что твоя преданность принадлежит Мастеру?

Когда речь закончилась, из толпы раздалась нарастающая волна гневных криков. И множество лиц, полных опасений и упреков, повернулись в их сторону, так что Корделия сжалась еще больше, совершенно ужаснувшись подавляющей злобе демонов.

Даже Змей выглядел почти обескураженным. «Как же так, — воскликнула она, — так быстро ты пришел к выводу о моем злодействе! Неужели ты не выслушаешь мои доводы? Мы еще можем прийти к пониманию».

«Мы можем послушать твою ложь, потому что твой язык приучен только к этому», — сказала Фрейя.

«И все же вы должны это услышать, потому что я хотела бы защитить себя и дать моим перевозбужденным собратьям повод исправить свои неотесанные манеры».

И она дала пощечину своему обвинителю. Сильно. Гибкая рука метнулась так же быстро, как змея из засады. Столько необузданной силы было за этим жестоким ударом, что Фрейя отшатнулась в сторону. И тут же острая тишина охватила проклятый зал.

«Как ты смеешь так со мной говорить?» — закричала Змея, ее голос эхом разнесся в шокированной тишине. «Считаешь себя такой важной, такой любимой, ты, негодяй? Слышишь!» Выражение ее лица расширилось и затем замерло, один палец она ткнула в звездное небо, в то время как другая фея уставилась на нее в недоумении. «Слышишь, я говорю! Слышишь ли ты предостережение Темного Мастера? Я не думаю!» Она громко рассмеялась. «Тебя не любят так, как ты думаешь, Фрейя. Я всегда потакала тебе в нелепости этого, но раз за разом ты забывала свое место, как будто старый порядок никогда не менялся, как будто в старом светлом зале все еще правил одноглазый Один! Думаешь, Темный Мастер не мудр во всех моих заговорах? Разве его безразличия недостаточно? И если он позволит мне, чего я боюсь перед остальными из вас?»

Она повернулась к толпе. «Пылайте своим гневом сколько хотите, братья, и если вы хотите испытать мое дело, то как только закончится перемирие пиршества, принесите свою войну в мой план на краю миров, где моря превращаются в ничто и где я одна стою между известными мирами и неизвестными ужасами, которых боитесь даже вы. Но вот вам совет: неразумно ставить силу против силы, пока есть другой путь, по которому можно идти. Разделяете ли вы близорукость этой женщины? Тогда придите сами к Святой Деве, Благословенному Ребенку этого Доброго Бога, со своей армией или прикажите своим слугам, мне все равно, и посмотрите, как они пойдут против моих!»

Безмолвная пелена сохранялась. Оставшись один в безмолвном зале, Вали повысил голос: «Твой блеф не услышан созерцательными ушами, Ёрмунганд. Даже наименее достойный из нас может сказать, что твой слуга недавно выращен. Она не выдержит ничего, что выросло феири.

Твои мелкие интриги и ужасная должность не смогут защитить ее в царстве дневного света. Там торжествует справедливая система».

«Может быть, это блеф, Вали, может быть, нет. Попробуешь? Правда такова, как подал голос твой несчастный друг: вот она, моя протезе, пока даже сейчас твоя армия корчится в забвении. Ибо я говорю тебе сейчас: хотя может показаться, что этой ночью мы пришли отпраздновать начало нашей старой игры со смертными, я дал ей немного дополнительной остроты, бонусную миссию, так сказать, чтобы игра не притупилась после поколений застоя! Но будь осторожен и вступай в нее на свой страх и риск! Если ты это сделаешь, будь глуп, будь храбр и хорошенько заметь лицо моего слуги! Итак, я объявляю игру начатой, развлекайся!»

И так сказала она, ушла со сцены. Ни один из фей, оставшихся на сцене, не сделал попытки остановить ее побег. И Корделия не осмелилась оглянуться. Куда более серьезное беспокойство одолевало ее.

Корделия бросилась за Змеем. «Ты подставил меня!» — тихо сказала она. «Ты думаешь, это остановит меня от ухода от Девы?»

«Я не думаю», — повернулась она, не потрудившись понизить голос. «И я никогда не допускала таких глупых идей. Ты ведь не думала, что действительно оставишь ее, не так ли?»

«Я делаю это и буду делать это».

«Твоя глупость просто смешна. Умерь немного свой юмор, девочка, а то люди подумают, что я воспитала шута. А теперь мне пора уходить и общаться. Видишь, сколько желающих поговорить со мной и воздать хвалу?»

Единственным рвением была открытая враждебность или страх или осторожность, направляющая их путь. И все же она знала, что Змея не заботится о согласии в ее собеседнике.

«Что же мне тогда делать? Могу ли я уйти сейчас? Ты уже и так добился своего плана».

«Я сказал, перестань быть глупой». Змея нахмурилась, повернувшись с распростертыми руками. «Вот отличный случай завести друзей и союзников, а ты пренебрегаешь им? Ты можешь не дожить до банкета следующего года без него. Так что будь любезна сейчас».

И вот Змей зашагал прочь, весело покачивая бедрами. Корделия стояла там, не двигаясь. Покраснев, она быстро направилась к краю комнаты и обнаружила, что ее проход легко расчищен, поскольку все феи обходили ее стороной, избегая ее так же, как и Мировых Змей. Вот вам и заведение друзей.

Только с ужасом она теперь наблюдала за непростым банкетом. Там были безликие слуги, чье выражение было гладкой кожей там, где должны были быть черты, которые несли бокалы с

любопытным веществом гостям. Но даже они боялись и обходили стороной Корделию и колонну, у которой она стояла. Она также не жаждала таких фейских напитков, но скука и враждебный воздух становились утомительными и невыносимыми. Она уже могла видеть, как вокруг нее завязываются новые партнерства, покровители приводят своих эйнхериев, чтобы пообщаться, союзы, заключаемые между новыми эйнхериями, и перемирия и клятвы возобновляются. Такова была функция ночи, заметила она, как форума для единомышленников-фей, отправляющихся на миссию для своего темного лорда. Связи, контракты, разговоры. Таковы были инструменты, используемые для компенсации слабости каждого или дополнения силы. Это она видела в их системе уважаемых эшелонов, так что меньшие эйнхерии были созданы, чтобы помогать тем, у кого были более сильные покровители, и наоборот, за определенную цену. И сложным также был всепроникающий узор старой вражды, ухаживания, дружбы, кровных связей, разума для фракций. Много дел в такую ночь, столь важную. Змей был прав.

Только это было не для нее.

Она стояла в стороне от всего этого в своем рваном наряде, ей было запрещено присоединяться к этой игре интриг, потому что она одна была отмечена для самой опасной игры из всех. Когда неловкие новые лица, вызванные из жизней в другом мире, едва ли больше дня назад, находили общий язык и делились своим прошлым, целями или амбициями, они время от времени посылали неприятные взгляды в ее одинокую сторону. Так она знала, что она была темой для разговора. «Ты попробуешь?» — так она представляла, что они спрашивали друг друга.

Ночь не будет длиться вечно, подумала она и с ужасом наблюдала за своими возможными врагами. Даже в ее старом мире, где люди не носили враждебность на рукавах так открыто, она находила незнакомцев трудными для приближения. Не говоря уже о том, что сейчас, когда она представляла себе лай и крики в ответ на свои приветствия. И она задавалась вопросом, как скоро закончится ее жизнь, когда она вернется во внешний мир. И все же в некоторых из этих фей, отличавшихся своим беспокойством, она видела страх. Они были бы людьми, которым дали еще один шанс на жизнь, как и ей, эйнхерию, думала она. Обычные люди, скорее всего, которые могли бояться и могли ужасаться. Будут ли они также посланы к ней их покровителями или собственными амбициями? Она находила такие мысли утомительными и ужасными.

И так одиноко она стояла. Пока, наконец, то, чего она боялась и страшилась, не произошло. Она напряглась. Кто-то приближался, намеренно направляясь к ней, без сомнения. Она знала, что разговоры Змея о перемирии были несущественными, ибо зачем ждать, пока она вернется в мир смертных, где они должны были потрудиться, чтобы найти ее? Вот она, уязвимая для таких быстрых атак, которым ничто не могло помешать.

Отпрянув в тревоге, она подумала, что нужно крикнуть, чтобы привлечь внимание Мирового Змея, но затем человек поклонился, его белые локоны мягко качнулись в ответ на нежный жест. И он моргнул ей.

«Рад снова встретиться, Корделия фон Ёрмунганд».

Она сразу узнала голос, теперь он звучал ниже, но эхо все равно сохранялось.

«Ты ворон!»

«Да это я, мой друг. Я пришел ради обещанной речи. Ты выслушаешь мое предложение?»

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4452068>